

П. А. Кузьминов

Д. С. КОДЗОКОВ: ОБЩЕСТВЕННЫЙ ДЕЯТЕЛЬ, ЧИНОВНИК И РЕФОРМАТОР

Место и человек. Позиция и роль. Первый и второй план. Каково соотношение между ними? Эти и другие вопросы много раз встанут перед исследователем, потянувшим одну из “ниточек”, связывающих нас с прошлым. Удача, случай, чрезвычайные обстоятельства дают возможность, но иногда мешают выполнить то, что должно, что требуют обстоятельства дня, потребности общества. Не случайно А. Е. Иванеско, определяя критерии, с помощью которых можно оценить место человека в истории, предлагает «отделить исторические индивидуальности “первого плана” от личностей “второго плана” и единиц “исторического фона”»¹. Грань между зафиксированными тремя ипостасями, как представляется, достаточно тонкая, зависящая от верификации образа современниками, обществом, историками.

Как правило, к персонажам “первого плана” мы относим лиц, занимающих решающее, главенствующее место в сложившейся политической системе. Великие киевские князья, цари, президенты, руководители и лидеры политических партий, блоков, объединений армії – первый план. Первые не потому, что они действительно лучшие, а потому что их слова, мысли, приказания, облекаясь в форму закона или вероятного вектора развития, становятся импульсом для всего общества. Но ведь до того, как занять политические и государственные должности, они были просто детьми, юношами, гражданами, “историческим фоном”, который с течением времени “превращал” их в лидеров, “мановением руки которых решались судьбы миллионов людей” (Н. М. Карамзин).

Соотношение “первых” и “вторых” имеет особый географический подтекст. Государственный, региональный, областной, уездный, волостной, сельский уровни влияния всегда были и есть. Человек “второго плана” на государственном – есть первый уровень на региональном. Наместник Кавказа великий князь Михаил Николаевич, заезжающий в гости во Владикавказ к М. Т. Лорис-Меликову, – персона “первого плана”. Начальник Терской области в Кабардинском округе – это лицо, олицетворяющее интересы России, т. е. “первое” лицо. Вертикаль государственной власти “встает” во весь рост перед подчиненными, перед лицами “второго плана”, сковывает их действия, горизонт, творческое отношение к делу.

Несколько затянутое введение необходимо нам для того, чтобы понять логику просветительской и административной деятельности Дмитрия Степановича Кодзокова, который в других условиях, как нам видится, должен был стать персонажем “первого плана”.

Имя Д. С. Кодзокова известно узкому кругу кавказоведов, занимающихся исследованием проблем адыгского просветительства и аграрно-крестьянской реформы на Северном Кавказе². Вместе с тем он оставил заметный след в истории горских народов, став автором целого ряда проектов, которые должны были изменить социально-экономический интерьер народов Кавказа.

Лукман Кодзиков родился в 1818 г. в семье кабардинского уорка второй степени недалеко от Пятигорска. Его отец, Магомет Кодзиков, в 1830 г. был записан в состав лейб-гвардии Кавказский горский полускадрон, вошедший в историю как “Собственный

Его Императорского величества конвой”. Это подразделение, созданное в 1828 г., выполняло в основном не боевые, а политические задачи, но, тем не менее, внесло в историю государства российского немало замечательных страниц³. Старший сын Магомета, Лукман в 1824 г. попал в семью известных московских дворян Хомяковых⁴. Оказался в русской семье шестилетний мальчик, видимо, случайно. В 1824 г. на Кавказских Минеральных Водах лечилась Мария Алексеевна Хомякова, которая любила объезжать соседние горские аулы. В ауле Абуково она посетила дом М. Кодзокова, где ей понравился смысленный малыш. Мысль о приобщении ребенка к русской культуре, с одной стороны, и широко развитый в Кабарде институт аталычества⁵ (когда детей пяти-шести лет отдавали на воспитание известным людям – аталыкам), с другой стороны, определили судьбу ребенка. Он оказался в одной из лучших семей Москвы, где в совершенстве овладел русским языком. В 1830 г. юноша был крещен и получил новое имя Дмитрий Степанович. Крестным отцом стал отставной поручик Степан Александрович Хомяков, который получил соответствующее свидетельство “о крещении на случай помещения его воспитанника Лукмана в публичные учебные заведения”.

Теплое, родительское отношение Хомяковых к Дмитрию определило его успехи. Он хорошо усвоил английский и французский языки, географию и историю, ряд специальных предметов. По завершении домашнего образования был отдан в пансион профессора М. Г. Павлова, где продолжил изучение русского, латинского, греческого, французского, немецкого и английского языков. Одновременно постигал новые предметы: Закон Божий, священную и церковную историю, физику, логику, риторику, географию, статистику, русскую и всеобщую историю, арифметику, алгебру, геометрию. Много внимания в пансионе уделяли каллиграфии, рисованию и музыке. Фактически это была учебная программа гимназии.

После успешного окончания пансиона 7 августа 1834 г. Д. Кодзоков подал заявление в Московский университет, в котором писал: “...покорнейше прошу оное правление по экзамену включить меня в число своекоштных студентов словесного отделения”. К прошению было приложено два документа: свидетельство о крещении и свидетельство о его уоркском (дворянском) происхождении, выданное Кабардинским временным судом 13 января 1830 г.

Поступающие в университет сдавали экзамены по математике, физике, географии, истории, статистике, грамматике, словесности, логике, латинскому, греческому, французскому, немецкому языкам и Закону Божьему. Экзамен от поступающих принимал специальный комитет под председательством ректора, в состав которого входили специалисты по отдельным дисциплинам. Среди 30 абитуриентов, сдававших экзамены на словесный факультет, Кодзоков, набрав 28 баллов, был восьмым по списку.

В 30-е годы лучшая часть студентов Московского университета посещала кружок Н. В. Станкевича и А. И. Герцена. Станкевич жил в пансионе Павлова, что дает нам основание предполагать, что Кодзоков не только знал руководителя кружка, но, скорее всего, входил в него. К кружку Станкевича принадлежали В. Белинский, К. Аксаков, М. Бакунин, М. Катков, Ю. Самарин, В. Боткин, Т. Грановский – звезды первой величины в истории русской интеллигенции⁶. По образному выражению А. И. Герцена, Московский университет в 30-е годы XIX века был “собором русской цивилизации”.

Активно участвуя в общественной жизни университета и Москвы, Д. Кодзоков представил на конкурс две работы: “Описание Кавказа” и “Осада Троицкой лавры”. Жюри дало этим работам высокую оценку, признав их лучшими наряду с работами Юрия Самарина “О развитии воззрений, суждений и понятий”, Константина Черкасского “Чувствования Ломоносова при виде северного сияния”, Михаила Каткова “О нравственном действии поэзии”. В 1834 г. он издает в типографии Московского университета сборник под названием “Стихотворения молодого черкеса”. Это означает, как справедливо подчеркивает Т. Х. Кумыков, что “несмотря на многолетнее отсутствие, он помнил свою родину, свой очаг, горскую деревню”⁷.

В мае 1838 г. состоялся выпуск студентов словесного факультета. В группе осталось всего 17 человек, из них 10 человек получили степень кандидата, 7 – степень действительного студента, в том числе и Д. Кодзоков.

Университетские лекции Н. И. Надеждина и М. Г. Павлова, влияние лидера славянофилов Алексея Степановича Хомякова, который проводил с Кодзоковым “значительную часть своего времени, близость к кругу их друзей и знакомых, среди которых были Белинский, Грановский, Кириевские, Аксаковы, Станкевич, Самарин, – в этой среде должен был сформироваться человек очень высокой культуры, с серьезными духовными и умственными запросами”, – пишет И. Андроников⁸.

После окончания университета Д. С. Кодзоков поступает на гражданскую службу в Московскую уголовную палату. В соответствии с “Табелью о рангах” Указом Правительствующего Сената 15 декабря 1838 г. ему был присвоен гражданский чин губернского секретаря.

Молодого, прекрасно образованного кабардинца не могла удовлетворить рутинная работа чиновника. 12 июня 1839 г. Кодзоков подает прошение об увольнении. Его тянет на родину, на Кавказ, где он хочет найти применение своим знаниям и воплотить мечты в конкретные дела.

Дорога на Кавказ лежала через Воронеж, Ростов-на-Дону, Ставрополь и оказалась не только долгой и утомительной, но и чрезвычайно трудной, поскольку лето выдалось очень жарким. 6 августа 1839 г. он прибыл в Пятигорск и в этот же день “счастливым случаем увиделся со своим отцом”, который болел “грудью” и часто приезжал в Пятигорск на лечение.

Свои впечатления о пребывании в родном ауле Кодзоков описывает в письме Хомяковым от 20 августа 1839 г.: “На днях ездил в аул, отстоящий на 6 часов езды от Пятигорска... Я никак не ожидал такой радости и ласки, какими встретили меня дикие мои родственники... Все были рады и благодарны, что вернулся, хотя и временно, в свой родительский очаг. В качестве подарка приводили лошадей, рогатый скот и баранов. Из подаренного скота я намерен положить основание примерному для жителей хозяйства. Но недостатки людей и рук затрудняют всякие благоразумные меры”⁹. Несмотря на возникшие трудности, отсутствие опыта, конкретных зоотехнических знаний, Кодзоков все же приступил к организации опытной животноводческой фермы. Не важно, что идея распространения передовых методов хозяйствования потерпела крах, – такие попытки проваливались и в Центральной России. Главное в другом – в огромном желании быть полезным своему народу, личным примером приобщать сородичей к достижениям европейской цивилизации.

В Пятигорске Кодзоков жил в доме “прикосновенного” к декабристам В. Д. Сухорукова, где, видимо, познакомился с великим русским поэтом М. Ю. Лермонтовым, генералом В. В. Шевцовым, известным кабардинским просветителем Ш. Ногмовым¹⁰ и др. Несмотря на то что “вообще очень все здесь в Пятигорске не нравится”, именно там, после поездок в Нальчик, Владикавказ, Ставрополь, Екатеринодар, познакомившись с жизнью и бытом чеченцев, осетин, кабардинцев, балкарцев, карачаевцев, абазинцев, бжедугов, темиргоевцев, бесланеевцев и др., Кодзоков разрабатывает планы развития просвещения, управления и экономики горцев.

На свои средства в ауле Абуково он открыл начальную школу, где русской грамоте и арифметике обучалось пять мальчиков-горцев. Опираясь на этот небольшой опыт, Кодзоков подготовил проект “О заведении в Кабарде школ для первоначального обучения детей”. Одновременно работает над планом по глубокому реформированию всей системы управления на Северном Кавказе. Он был уверен в том, что преобразование системы административного управления может улучшить положение горских народов. Либерал, придерживавшийся славянофильских идей, Кодзоков стремился своими проектами оказать влияние на администрацию и осуществить введение такой системы управления, которая учитывала бы особенности края и нормы обычного права горцев. Вместе

с тем новая система должна была руководствоваться общероссийским законодательством. “Не скрываю, – писал Д. Кодзоков, – что дело чрезвычайно трудное, многосложное, даже щекотливое, требующее размышления и времени”. Получив задание от командующего Кавказской военной линией генерала П. Х. Граббе, надеялся составление сложного проекта “терпением, постоянною работою закончить через два года”¹¹. Моральную помощь ему оказывали Ш. Ногмов, Я. Шарданов, генерал Султан Азамат-Гирей, генерал В. В. Швецов, В. Д. Сухоруков и др. Представленные проекты предусматривали изменение сложившейся системы управления и предлагали широкое внедрение новых форм хозяйствования и общественного устройства. Сравнивая горские адаты с российской системой права, Кодзоков поражался тому, как обычное право горцев строго регламентировало их жизнь, управляло обществом, как “верно, просто и легко нормы адата подводятся ко всякому делу и к многосторонним требованиям быта”. Вместе с тем он подчеркивал их консерватизм, поскольку многие традиции являются одной из причин “неподвижности состояния умственного и гражданского в горском обществе”¹².

В процессе подготовки проектов Кодзоков много ездил, знакомился со сложившейся системой военного управления на Кавказе. Встречи и беседы с представителями горских народов и офицерами кавказского корпуса были важным источником знаний по истории Северного Кавказа. Чтобы облегчить свою работу по изучению края и сбору необходимого материала, Кодзоков изучал быт и нравы народа, кабардинский и другие языки народов Кавказа. В своих письмах Хомяковым он писал, что уже овладел родным языком. “Знаю уже более 1000 слов, научился петь народные песни и выполнять горские танцы, ездить на лошади. Несмотря на умственные мои занятия, я не оставляю мелочей здесь необходимых, я сделался порядочным джигитом, т. е. наездником, теперь уже шапку подымаю на скаку, разные штуки, которые я знал еще в России, возбуждают удивление черкесов и привязывают их ко мне более и более”¹³.

Эйфория и романтические мечты о быстром и всестороннем преобразовании горского быта с течением времени стали затухать. Мелкие дразги и склоки с местной администрацией, которую Кодзоков хотел реформировать, отчетливо показали, что добиться конкретных изменений чрезвычайно сложно. Со временем Кодзоков стал допускать возможность государственной службы, поскольку надеялся, что это сможет ускорить процесс преобразований в родном крае. По этому поводу он писал: “Единственные способы согласовать одно с другим или через связи быть прикомандированным к Е. А. Головину (командир Отдельного Кавказского корпуса, фактически наместник Кавказа. – П. К.) в Тифлисе и с тем вместе считаться на службе и заниматься делом или написавши что-либо представить в Петербург и там просить помощи. Вот два способа, верно ведущие к моей цели”¹⁴. Высказанная мысль о необходимости войти в Систему, чтобы получить возможность ее реформировать, в общем-то была верная. Но, несмотря на связи в Тифлисе, реализовать идею не получилось. А проекты “временно проживающего в г. Пятигорске, выкращенного из военнопленных кабардинцев”¹⁵, как писал о Кодзокове пятигорский комендант полковник Ильященко, особенно никого не волновали. Надежды, мечты, планы “частного человека”, столкнувшись со сложившейся полукOLONIALНОЙ системой управления на Северном Кавказе, оказались “не ко времени” и были отвергнуты военной администрацией.

С 1845 года, почти 12 лет, он работал в Закавказском таможенном округе. В 1857 г. Кодзоков получает должность пристава калаусо-саблинского и бештово-кумского ногайского народа в Ставропольской губернии. Казалось бы, получено назначение, которое позволило бы реализовать планы реформирования системы управления. Но, получив приглашение Кутаисского генерал-губернатора Г. Р. Эристова, он без сожаления оставляет Ставрополье. Мотивируя свой отъезд, Кодзоков пишет Ставропольскому губернатору А. А. Волоцкому, что система местного административного управления ногайцами не отвечает их нуждам, а мелкие чиновники грубо и оскорбительно ведут себя с населением. В организации приставского управления он находил много “несообразностей с

нуждами народа”, ссылаясь на конкретные случаи, когда пристав оказывался в таком положении, когда он не мог защитить и “оградить” интересы людей, находившихся под его непосредственным руководством.

В мае 1861 г. Кодзоков подал прошение об увольнении его с должности старшего чиновника особых поручений Кутаисской губернии и переводе его в распоряжение начальника Главного управления наместника Кавказа. В Кавказском календаре на 1862 г. Д. С. Кодзоков значится как чиновник, причисленный к Главному управлению. Вскоре он стал исполнять обязанности чиновника особых поручений при наместнике Кавказа. Эта должность была сохранена за ним до конца жизни, несмотря на то что в 1863 г. был назначен председателем Терской сословно-поземельной комиссии и переехал на постоянное место жительства в г. Владикавказ. С этого момента начинается новый, самый плодотворный в смысле служения своему народу, период в жизни Д. С. Кодзокова.

Сложные интеграционные процессы, втягивавшие горские народы Северного Кавказа в общеимперское административно-правовое поле, поставили в 30–50-е годы XIX в. вопрос о легитимизации княжеско-дворянских сословий Кавказа и их инкорпорации в социальную элиту России, что открыло бы путь к чинам и должностям в армии и экономическому благосостоянию¹⁶.

В условиях аграрного кавказского общества, сложившейся социальной стратификации и традиционного права собственности на землю, основанного на праве сильного, давности владения, трудовой заимке, отсутствовало понятие юридического оформления собственности на землю. Дарование крупных участков земли в частную собственность отдельным представителям местной феодальной знати (майору Ф. Бековичу-Черкасскому 98 тыс. дес. в Малой Кабарде, генералу А. Туганову 19 тыс. дес. в Осетии и др.), усиливающееся малоземелье, проникновение и рост товарно-денежных отношений стали для горской элиты побудительными причинами постановки вопроса перед коронным правительством о выдаче юридических актов на законное, с точки зрения российского законодательства, владение принадлежавших им земель. Администрация, обещая узаконить собственность, постоянно откладывала решение вопроса, создавая для этого различные комитеты и комиссии.

В 1863 г. вместо ранее существовавших комитетов, занимавшихся исследованием земельных отношений, была создана Комиссия по разбору личных и поземельных прав жителей Терской области. По мнению начальника Терской области М. Т. Лорис-Меликова, комиссия эта “должна быть составлена из членов, практически и теоретически специально просвещенных не только в военном искусстве и в военной администрации, но, если не более, то, по крайней мере, столько же, сведущих в правоведении, истории, географии и статистике... в политической экономии и в деле сельского хозяйства”¹⁷. Начальник области считал, что эта комиссия должна была заниматься не только изучением запутанного земельного и сословного вопросов, но и решить их. Возглавлять такую комиссию мог только высокообразованный человек, хорошо знающий историю горцев, их обычаи и нравы. Поэтому председателем комиссии был назначен адыгский просветитель Д. С. Кодзоков. У него нет печатных работ, освещающих земельную и крестьянскую реформы, но его труды: “Записка о зависимых и холопских сословиях в Кабардинском округе”, “Мнение председателя комиссии по личным и поземельным правам туземного населения Терской области о частной собственности в Кабарде”, “Акт от 20 августа 1863 года”, “Отчет о деятельности Комиссии по разбору личных и поземельных прав горцев Терской области с момента ее создания 1 августа 1863 года по 1 января 1869 года”, “Записка об осетинских кавдасардах”, “Исследования комиссии о сословном строе в Терской и Кубанской областях”, – к которым прилагаются две самостоятельные объемные записки – “Пояснительная записка о личных правах туземного населения Терской области” и “Пояснительная записка о личных правах туземного населения Кубанской области” и др., – разбросанные по архивохранилищам

страны и частично введенные в научный оборот Г. А. Кокиевым, Т. Х. Кумыковым и Х. М. Думановым, П. А. Кузьминовым, не только являются ценными историческими источниками, но довольно полно раскрывают отношение автора этих документов к реформам на Кавказе.

Взгляды Кодзокова на характер социально-экономических преобразований неоднозначны. С одной стороны, он горячий сторонник ликвидации феодальных преимуществ горской знати, жесткий критик сложившейся системы хозяйствования и землевладения, с другой – выступает за освобождение крестьян по обычаю, т. е. с уплатой выкупа в 250 руб. сер. за личность и передачей феодалам большей части движимого имущества.

Представляется, дело здесь в том, что, получив воспитание в семье известных славянофилов Хомяковых, “историческая концепция которых идеализировала общину”¹⁸, Кодзоков стал активным сторонником общинных порядков и общинного землевладения, в которых видел, как и другие представители славянофильства, залог самобытного и счастливого существования народа.

Получив полномочия председателя комиссии, Кодзоков попытался на практике реализовать эту концепцию, для чего добился от кабардинских феодалов подписания акта от 20 августа 1863 г. В соответствии с документом вся земля в Кабарде признавалась “общим достоянием всего народа, и мы (т. е. князья, дворяне, народ. – П. К.) желаем ею пользоваться на общинном праве владения”¹⁹. Поскольку эта формулировка отрицала наличие феодального землевладения и частной собственности на землю, то правительство присвоило себе верховное право распоряжаться ею. А это привело к тому, что по указанию администрации “комиссия взяла за основу своей работы положение о том, что земля, занимаемая жителями на плоскости, – есть казенная”²⁰.

Трансформация содержания термина “земля общинная” в “землю казенную” создавала новую, неподвластную председателю комиссии ситуацию. К тому же проект Кодзокова относительно введения общинного землевладения вступал в неразрешимое противоречие с общей установкой администрации на Кавказе, выраженной помощником наместника Кавказа князем Г. Д. Орбелиани: “...владельческие фамилии, которые, на основании исторического предания, имеют как бы законное право быть собственником в крае... должны быть наделены каждый лично, на полном помещичьем праве, в вечное потомственное владение, большим или меньшим участком земли, от 1000 до 5000 десятин, смотря по степени значения и оказанных каждым услуг правительству”²¹.

Поняв, что идея об уравнительном землепользовании отвергнута, Кодзоков страстно выступил против наделения высшего сословия Кабарды землей в частную собственность: “Ленность, невежество, расточительность, легкомыслие владельцев, – подчеркивал он, – давно всем известны, а потому... сколько бы мы ни дали земли людям высшего сословия, она им никакой пользы не принесет...”²² Более того, князей и тлекотлешей, высшее сословие в Кабарде, он “называл ворами и грабителями, а потому их наделение землей... могло вызвать недовольство народных масс”²³.

Сознавая серьезность возникших противоречий между актом от 20 августа 1863 г. и проектом наделения феодалов землей, Кодзоков справедливо указывал: “...если теперь допустить частную собственность по праву происхождения или народного обычая, то не было причин не признавать законными и справедливыми все те поземельные владения, которые существовали прежде и которые мы сами старались и успели уничтожить”²⁴.

Несмотря на предпринятые попытки, соображения просветителя не были услышаны администрацией, поскольку они шли вразрез со сложившейся системой землевладения в самой России. “Идеи Кодзокова, – пишет по этому поводу А. Х. Ацканов, – не получили поддержки в правительственных кругах, они были отвергнуты, а автору сделано строгое внушение”²⁵.

Завершая очерк о Д. С. Кодзокове, отметим, что у него было огромное желание и интеллектуальный потенциал (прекрасное образование, желание трудиться на благо Родины, стройная славянофильская идеология) по преобразованию общественного быта, экономики и управления народами Северного Кавказа еще в 40-е годы XIX века. Но не сложилось. Его проекты не были востребованы временем и колониальной системой. Через 20 лет, в 1863 г., он назначен председателем комиссии, которой поручено реформировать самую сложную сферу жизни горского общества: земельную и сословную. Вновь его проект отторгнут, и его направляют на решение тех вопросов, которые, по его мнению, ведут горцев не туда... Но он блестяще выполняет возложенную на него миссию и невольно... оказывается у истоков модернизации и прогресса, в который вовлекаются кавказские народы.

И последнее. Оставив службу в 1888 г., больной, в тяжелом финансовом положении, он оставляет г. Владикавказ и, по некоторым сведениям, уезжает жить в Украину, где в 1893 г. умер. По предположениям краеведов Кабардино-Балкарии, с собой он увез богатый личный архив, который имеет огромную культурную ценность для народов Северного Кавказа. Хотелось бы верить, что он не утерян, а находится в одном из областных архивов Украины.

¹ Иванеско А. Е. Нартовский Сырдон – персонаж “второго плана”? // Человек второго плана в истории. – Вып. 1. – Ростов-на-Дону, 2004. – С. 29.

² Абаев М. Балкария. Исторический очерк // Мусульманин. – Париж, 1911. – № 14–17; Андроников И. Запись в альбоме Лермонтова // Дружба народов. – 1960. – № 5; Гаибов Н. Д. О поземельном устройстве горских племен Терской области. – Тифлис, 1905; Голубева Л. Г. Сын Кабарды и России // Дружба народов. – 1976. – № 8; Голубева Л. Г. Письма Кодзокова // Ошхамахо. – 1976. – № 4; Записки о Кавказе, писанные Н. Беклемишевым в Оренбурге в 1849 г. // Щукинский сборник. – М., 1903; Крестьянская реформа в Кабарде. Сборник документов / Сост. Г. А. Кокиев. – Нальчик, 1947; Кузьминов П. А. Материалы сословно-поземельных комиссий как исторический источник по истории народов Северного Кавказа // De die in diem. Памяти А. П. Пронштейна (1919–1998). – Ростов-на-Дону, 2004; Кумыков Т. Х. Жизнь и общественная деятельность Л. М. Кодзокова. – Нальчик, 1962; Кумыков Т. Х. Дмитрий Кодзоков. – Нальчик, 1985; Кумыков Т. Х., Хакуашев А. Х. Истоки становления. – Нальчик, 1984; Хашхожева Р. Х. Адыгские просветители второй половины XIX – начала XX века. – Нальчик, 1983 г. и др.

³ Страницы истории. Лейб-гвардии Кавказско-горский полуэскадрон. Сост. Р. Х. Кармов, М. И. Айдаболова. – Нальчик, 2002. – С. 2–3.

⁴ Кумыков Т. Х. Дмитрий Кодзоков. – С. 19.

⁵ Подробнее об этом обычае см.: Мамбетов Г. Х. Традиционная культура кабардинцев и балкарцев. – Нальчик, 2002. – С. 187.

⁶ Корнилов А. А. Курс истории России XIX века. – М., 1993. – С. 181.

⁷ Кумыков Т. Х. Дмитрий Кодзоков. – С. 28.

⁸ Андроников И. Я хочу рассказать вам. – М., 1971. – С. 323.

⁹ Цит. по: Кумыков Т. Х. Дмитрий Кодзоков. – С. 36.

¹⁰ Кумыков Т. Х., Нагоев М. Б. Страницы дружбы (к биографии Д. С. Кодзокова) // Материалы научно-практической конференции “Молодежь и наука”. – Нальчик, 1981. – С. 28–29.

¹¹ Голубева Л. Г. Сын Кабарды и России // Дружба народов. – 1976. – № 8. – С. 107.

¹² Голубева Л. Г. Письма Кодзокова // Ошхамахо. – 1976. – № 4. – С. 27.

¹³ Там же. – С. 31.

¹⁴ Государственный исторический музей Российской Федерации (ГИМ РФ). – Ф. 178. – Д. 33. – Л. 93.

¹⁵ Кумыков Т. Х. Жизнь и общественная деятельность Л. М. Кодзокова. – С. 12.

¹⁶ Кузьминов П. А. Материалы сословно-поземельных комиссий как исторический источник по истории народов Северного Кавказа // De die in diem. Памяти А. П. Пронштейна (1919–1998). – Ростов-на-Дону, 2004. – С. 122.

¹⁷ Цит. по: Кумыков Т. Х. Дмитрий Кодзоков. – С. 73–74.

¹⁸ Очерки исторической науки в СССР. В 5 тт. – Т. 1. – М., 1955. – С. 330.

¹⁹ Центральный государственный архив Кабардино-Балкарской республики (ЦГА КБР). – Ф. 40. – Оп. 1. – Д. 4. – Л. 13.

²⁰ История Кабарды с древнейших времен до наших дней. – М., 1957. – С. 120–121.

²¹ Российский государственный исторический архив (РГИА). – Ф. 1268. – Оп. 12. – Д. 105. – Л. 75 об.

²² Цит. по: Кумыков Т. Х. Жизнь и общественная деятельность Л. М. Кодзокова. – С. 22.

²³ Мамбетов Г. Х. Земельный вопрос в творчестве общественно-политических деятелей адыгов, балкарцев и карачаевцев // Общественно-политическая мысль адыгов, балкарцев и карачаевцев в XIX – в начале XX в. – Нальчик, 1976. – С. 99.

²⁴ Цит. по: Кумыков Т. Х. Дмитрий Кодзоков. – С. 120.

²⁵ Ацканов М. Х. Экономические отношения и экономические взгляды в Кабарде и Балкарии. – Нальчик, 1967. – С. 74.